

КАВКАЗ В ТРУДАХ ЕВРОПЕЙСКИХ АВТОРОВ XVIII ВЕКА*

В.В. Дегоев

Автор ставил перед собой тройную задачу. Во-первых, определить реальный информационный потенциал европейских сочинений XVIII века как источника исторических знаний о Кавказе. Во-вторых, привлечь внимание исследователей к изучению соотношения между источниковедческой и историографической ценностью этой литературы в контексте процесса зарождения научного кавказоведения. В-третьих, выявить роль приходящих политико-идеологических факторов, обусловленных геополитическими интересами западных государств и их специфическим (так сказать, ориенталистским) восприятием Востока вообще и Кавказа в частности. Авторские выводы требуют дальнейшей проверки с целью подтверждения одних идей, корректировки других и критического переосмысления третьих.

Ключевые слова: научное кавказоведение, «образ другого», европейские сочинения.

The threefold task the author had in mind implies the following. First, to assess informative value of the XVIIIth century European sketches on the Caucasus as a source of the appropriate knowledge. Second, to redirect scholarly attention towards searching for distinct lines between murky facts and their interpretation, oftentimes arbitrary, uncritical, and even openly biased. It would help to reveal what might be called a scientific trend in Western "historiography" on the region's past. Third, to expose the role of the incoming political and ideological factors determined by geostrategic interests of the concerned States on the one hand and by its largely prejudiced, as it were, orientalist perception of the East on the other. While the author found his general approach promising he hesitates to claim that all of his conclusions are flawless. Some of them need further arguments either pro or contra to deservedly place the subject in question in a wider context of history.

Keywords: scientific Caucasian studies, "image of the other", European writings.

Большой толчок к развитию научных знаний о Кавказе вообще и Северном Кавказе в частности дало петровское время. Петр хотел владеть исчерпывающей информацией обо всех народах, живущих в пределах и за пределами его империи, чтобы лучше управлять ею сегодня, а завтра прирастить к ней то, без чего царь считал Россию неполноценной.

Сбор и изучение такой информации были подняты на новый, системный уровень. Любительство постепенно уступает место профессионализму. На симптомы этого процесса мы обращали внимание и ранее. Но при Петре это

становится особенно заметным в деятельности таких людей, как прусский офицер Иоганн Густав Гербер, служивший в русской армии с 1710 г. до самой смерти (1734 г.).

Гербер был не только знатоком артиллерийского дела, но и человеком с врожденными задатками ученого. Сначала, в качестве участника Персидского похода, он образцово выполнил свой ратный долг. А затем, оставшись на шесть лет в завоеванных закаспийских провинциях, стал собирать научный материал по истории, географии и этнографии Кавказа. То, что получилось в результате, пока еще нельзя назвать

* Окончание. Начало см.: Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 29(68). С. 35-54.

цельным, классическим исследованием. Однако, как справедливо утверждал В.К. Гарданов, «это не путевые заметки досужденного и любопытствующего путешественника», а по существу «первое в европейской литературе систематическое описание Кабарды, характеризующееся строгим отбором фактического материала и его максимально возможной в тогдашних условиях проверкой» [1, 151-152].

Гербер не обманывает ожиданий тех историков, которых, как и автора этих строк, интересует преимущественно социально-политическая тема. Трудно не заметить, что Гербер рассматривает Кабарду как не вполне единое целое, деля ее на Верхнюю (предгорную) и Нижнюю (равнинную). Он не употребляет терминов Малая (Восточная) и Большая (Западная) Кабарда, но имеет в виду именно это. В Верхней Кабарде, зажатой между горами, «нет ни одного города, ни одной настоящей деревни». Там каждый селится, где он захочет, строя себе примитивную хижину из камыша или из высушенных кусков глины. Нижняя Кабарда более просторна и плодородна, но и в ней мало деревень. Ее самой большой примечательностью являются руины древнего хазарского города Маджары.

Население обеих частей Кабарды Гербер называет «черкесами» и считает их единым и свободным народом. Однако тут же приводит материал, убеждающий в том, что при наличии этнокультурного единства, ни о каком единстве социально-политическом не может быть и речи.

Как характерную черту общественного строя кабардинцев Гербер отмечает слабые внутренние связи и символический характер власти князей, которых в Кабарде «много». В глазах европейца, природа этой власти настолько

странная и темная материя, что и властью назвать ее трудно. Свобода кабардинцев, пишет Гербер, «простирается так далеко», что они не повинуются «даже своим собственным князьям». В тех случаях, когда повинуются, то лишь из уважения к «личным заслугам», а не к «княжескому достоинству». «Впрочем, – заключает автор, – каждый живет со своим князем, как с равным, так что он не может ничего предпринять без согласия подданных, опасаясь, чтобы они не ушли от него и не перешли к другим, что дозволяется всякому, когда он считает себя обиженным и как только ему захочется. ...Сам князь почти ничем не владеет и не осмеливается ни в чем отказать своему подданному, когда он у него что-нибудь попросит: будь это даже одежда, которую он сам носит, он должен ее снять с себя и отдать тому, кому она нужна, или же быть готовым к тому, что он его покинет» [1, 152-154].

Кабардинцы, по мнению Гербера, позволяют себе полную свободу и в отношении с соседними странами. Утверждение об их «большой склонности к России» автор считает преувеличением. О своем московском «подданстве» кабардинские князья заявляли лишь на словах, оставляя за собой право одновременно поддерживать оживленные, хотя и не простые, отношения с Крымом и Турцией. Автор не забывает вспомнить о полном провале попыток крымского хана Каплан-Гирея сделать Кабарду своим послушным вассалом (1708 г.). Нанеся крымским войскам сокрушительное поражение, кабардинцы вернули себе «полную свободу» [1, 153].

Гербер вносит любопытные уточнения в традиционные описания набегового промысла. Не отрицая, что речь идет о вылазках за добычей, он указывает на определенные правила и ограничения, которым обязаны подчинять-

ся участники подобных предприятий. Насколько можно судить по рассказу Гербера, практиковали два вида набега: воровской набег, предполагавший незаметный угон людей и скота; и открытый разбойный набег с применением силы. Набег, каким бы он ни был, считался рискованным молодеческим занятием, разновидностью воинской доблести. Подготовка к нему входила в систему воспитания и начиналась сызмальства, с детских игр. С годами приобреталась и оттачивалась сноровка, открывавшая юноше, по выражению Гербера, «*дорогу к почестям*» [1, 154].

Остается привести суждения автора о религии. По его утверждению, 70–80 лет назад все кабардинцы и черкесы были христианами греческого вероисповедания. Но в условиях отсутствия образованных священников и общения с единоверными народами, христианство угасло, а на его место водворилось магометанство. Произошло это под влиянием соседственного общения с Крымским ханством, которое воспользовалось «*отсталостью*» кабардинцев для насаждения своего духовного влияния. Однако, как сообщает Гербер, некоторые из кабардинцев «*и доныне называют себя христианами*», так же мало зная о своей религии, как и новообращенные черкесские и кабардинские мусульмане [1, 154–155].

По мере того как век Просвещения вступал в свои права, сочинения о Кавказе принимают все более стройный, осмысленный, научный вид. Те иностранцы, которым довелось побывать в этом крае, уже не удовлетворяются механическим собиранием знаний и коллекционированием экзотических фактов. Желание растравить любопытство европейской публики приукра-

шенными рассказами о далеких странах отступает на второй план перед познавательным азартом и стремлением приблизиться к сути вещей.

Превращение исторических знаний в историческую науку не являлось линейно-хронологическим движением, но поступательное начало в нем безусловно присутствовало.

В этом убеждаешься, обращаясь к труду «Описание Черкесии», составленному в 1724 г. Ксаверио Главани [2], французским консулом в Бахчисарае и личным врачом крымского хана. Столь высокий статус открыл перед Главани широкие возможности добывания историко-этнографического материала из самых разных источников. Он не спешил принимать на веру даже информацию из первых рук, либо подвергая ее критической обработке доступными в то время методами, либо честно сообщая, от кого именно он узнал о том или ином факте, и стараясь передать услышанное как можно точнее.

Сравнивая Главани с Гербером, замечаешь близость их профессиональных методов – отход от незатейливого нарратива в сферу изучения сложнейших общественно-политических связей. Если эта тема до сих пор остается предметом ожесточенных споров представителей гуманитарных наук, то можно вообразить, насколько она озадачивала и Гербера, и Главани, и их преемников. Нам не следует обманываться их уверенным тоном. Описывая многие явления, они, безусловно, пребывали во власти недоумения и сомнений. Но признаваться в этом перед европейским читателем было невыгодно: интерес к книге, ставящей фундаментальные научные проблемы, мог легко иссякнуть. Для серьезных дискуссий с собратьями-профессионалами популярная литература была неподходящим местом,

а время для другой литературы еще не пришло.

Гербер и Главани, когда вольно, а когда невольно, тяготели к адаптации своих текстов таким образом, чтобы донести до европейского читателя хотя бы общий смысл далеких от него этнокультурных реалий. Более того, не желая запутать в этих реалиях самих себя, они упрощали их еще и для собственного понимания.

Однако даже в, так сказать, «упрощенном» виде социально-политическое пространство и этническая мозаика Северного Кавказа выглядят и у Гербера и, особенно, у Главани трудно постижимой материей.

При всей исследовательской добросовестности и неутомимости Главани к его «Описанию» остается масса вопросов. Мы так и не найдем там исчерпывающих, да порой и просто внятных объяснений о том, что такое Черкесия в этнокультурном, общественно-политическом, географическом плане. То, что автор предлагает в качестве объяснений, глубоко противоречиво. Парадоксально, но факт: чем понятнее Главани хочет быть для непосвященного читателя, тем больше сомнений он вызывает у читателя посвященного.

Главани начинает сочинение с утверждения, что с административно-территориальной точки зрения Черкесия, как и Крымское ханство, делится на «бейлики» или округа (всего четырнадцать), управляемые татарскими «бегями» и «султанами», находящимися под покровительством хана, которому они посылают ежегодную дань. Уже одно это дает основание считать Черкесию законной частью Крымского ханства.

Как после такого определения статуса Черкесии понимать слова Главани, что «она ни от кого не зависит и

состоит под покровительством крымского хана, **насколько сама признает для себя это удобным** (подчеркнуто мною. – В.Д.); в случае предъявления им каких-либо чрезвычайных требований отвергает их без стеснения» [2, 152]. В качестве примера приводится поражение зарвавшегося Каплан-Гирея от кабардинцев (1708 г.).

В связи с частым упоминанием этого племени Главани объясняет, что Кабарда – самый могущественный из четырнадцати бейликов Черкесии. Следовательно, Кабарда – одна из провинций Крымского ханства с той лишь разницей, что после 1708 г. она находилась в состоянии войны с Бахчисараем.

На Северном Кавказе возникла запутанная военно-социально-политическая обстановка, в которой Главани пытается разобраться с присущей ему дотошностью, но не всегда с одинаковым успехом. Он старается придерживаться фактов, представляющихся ему достоверными, хотя иногда без должного основания. Опора на факты помогает скорее восстановить канву событий, чем раскрыть их суть. Впрочем, решая эту задачу, Главани вносит важный вклад в становление исторического направления кавказских исследований. Из его сочинения мы впервые узнаем об особенностях кабардино-крымских отношений вообще и об их перипетиях, имевших место после 1708 г.

Выясняется, что в своем «внешнеполитическом» поведении Кабарда балансировала между Москвой и Бахчисараем. Присягая на подданство и одним, и другим, она стремилась подкрепить эту систему установлением родственных связей как с русскими, так и с татарами. С одной стороны, старший кабардинский князь (бей), в соответствии с обычаем аталычества, посылал своих сыновей к царю на воспитание. В Мо-

ске они принимали христианство и вливались в состав русской высокосановной элиты.

С другой стороны, тот же кабардинский князь брал на воспитание одного из малолетних сыновей крымского хана, что обеспечивало родственную связь с Бахчисараем. Принцип «двойной лояльности» открывал Кабарде возможности для политического маневра. Однако такая система балансирования, как бы искусно она ни поддерживалась, давала серьезные сбои, ибо и Москва, и Бахчисарай требовали от Кабарды соблюдения союзнической верности не на словах, а на деле, что ставило ее меж двух огней.

Был еще некий «нюанс», и именно он обернулся драматической проблемой. Крымское «подданство» Кабарды обязывало ее уплачивать хану дань в виде определенного количества рабов¹. Как известно, в 1708 г. алчность Каплан-Гирея, бесцеремонно поднявшего ставку «живого налога», спровоцировала войну. При всех разночтениях в описании этой войны в литературе утвердилось нечто вроде хрестоматийной версии. Война изображается скоротечным актом, в котором доблестные кабардинские войска наголову разбили Каплан-Гирея и покрыли себя неувядаемой славой.

В отличие от других авторов, Главани пишет, что победоносным было только начало, за которым последовала печальная история расплаты кабардинцев за свой триумф. На протяжении 15 лет они подвергались методичной мести со стороны татар, которых поддерживали все черкесские князья. Из Кабарды угоняли скот, людей. Некому было выходить на полевые работы, что «*причинило в стране большой голод*».

Безвыходное положение заставило кабардинского князя Аслан-бея послать

в Бахчисарай представительную делегацию просить о мире и присягнуть на верность хану (24 декабря 1723 г.). Давая свое согласие, татары потребовали еще и огромного количества рабов и рабынь в качестве «репараций» [2, 152-153].

Таким образом, за победу 1708 года кабардинцы расплатились 15-летней войной и тяжелейшими хозяйственно-демографическими последствиями.

Этот рассказ Главани, как и другие выдержки из его «Описания», ставят ряд вопросов. Почему, в частности, черкесы отказали в помощи «родственникам» кабардинцам и, не раздумывая, встали на сторону Бахчисарая?

Сам Главани находит ответ в традиции аталычества, которую крымские ханы лукаво использовали в политических целях. Татарские воспитанники, подрастая, получали по праву родственников черкесские округа (бейлики) в управление, «*повелевая и начальниками, и народом*». Так, согласно автору, в Черкесии была установлена крымско-татарская власть [2, 155-156].

Оставить это утверждение без комментариев не позволяет сам Главани, ибо он явно затрудняется определить как меру той власти, какой обладали татары, так и меру той свободы, какой пользовались черкесы. Автор понимает, что система черкесско-крымских отношений – это тугой клубок противоречий. Чем добросовестнее старается Главани распутать его, тем хуже это получается. Фундаментальное препятствие, которое он не знает как преодолеть, создано им самим.

Из одной группы фактов, приводимых автором, складывается впечатление о Черкесии как о подконтрольной Бахчисарая территории, разделенной на административные округа, управляемые специальными уполномоченными

ми, располагающими военными силами для «обуздания народа». Но в отлаженную работу, если не в существование, этой системы перестаешь верить, когда Главани заявляет, что власть крымских начальников «ничтожна», черкесы находятся лишь в мнимом подчинении от татарской знати. Бей не имеет права вмешиваться во внутриобщинные дела даже мелкого свойства [2, 155-156].

Возникает логичный вопрос: а стоит ли так подробно останавливаться на «Описании Черкесии», если в нем столько темных мест, нестыкующихся фактов, непроясненных явлений социально-политической жизни?

Безусловно, стоит. Именно потому, что Главани заостряет крайне важные для историков вопросы даже тогда, когда дает сомнительные ответы. Чем очевиднее авторские ошибки и упущения, тем более они провоцируют стремление углубиться в изучение проблемы. Порой ловишь себя на мимолетном ощущении, будто Главани, поневоле запутывая себя и своих современников, апеллировал к будущим исследователям Кавказа в надежде, что им удастся пойти гораздо дальше него.

Не будем забывать, что автор смотрел на Черкесию и черкесско-крымские отношения из Бахчисарая, то есть в каком-то смысле из «метрополии», и это накладывало отпечаток на многие его оценки. Возьмем хотя бы механическое проецирование крымского административно-территориального деления на Черкесию, где на самом деле никогда системы бейликов не было. Знал ли Главани, что Черкесия состояла не из бейликов, а из многочисленных племен, самые крупные из которых (шапсуги, абадзехи, натухайцы) никем не управлялись и никому не подчинялись, представляя собой неукротимую военную силу? Кроме того, существовали более

мелкие племена, номинально возглавляемые князьями, ни о каком полновластии которых тоже говорить не приходилось.

Ошибался Главани и тогда, когда называл черкесской провинцией Кабарду – самостоятельную и политически более организованную территорию. Внутри нее происходили удивительные социальные и этнополитические процессы, оставленные автором, за нехваткой материала, без должного внимания.

Дисциплинированное стремление к применению системного принципа оказало Главани дурную услугу. Будучи продуктом эпохи рационализма, он хотел найти порядок во всем, в том числе там, где его не было, по крайней мере – в европейском смысле этого слова. Автор, возможно, инстинктивно уклоняется от описания того, что мешает ему упорядочить собранный им богатый материал, выявить в нем четкие причинно-следственные связи. Не потому ли Главани обходит тему беспрестанных междоусобиц, насаждавших на Северном Кавказе хаос – состояние, диаметрально противоположное системе, порядку?

Однако набегового промысла Главани все же касается, называя его «очень дурным обычаем», в котором соединились элементы хитрой игры, охоты, войны, грабежа, кражи. Поскольку автор поначалу не мог понять смысл этих жестоких забав, он обратился за разъяснениями к одному черкесскому бегу. Тот ответил, что для молодого человека набег есть общепринятый способ добыть средства к существованию и «возможность развивать воинственный дух». Набеговый сезон ограничен определенным сроком (40 дней). Турецкие купцы приурочивают свои поездки на черкесское побережье к этому времени, чтобы обменять промышленные изделия

(прежде всего одежду) на живой товар [2, 158-159].

Информатор нашего автора рассказывает об этом как о будничном явлении, с оттенком удивления вопросам Главани. Сегодня же историку впору удивляться другому. Почему у любознательного Главани утрачивается интерес к этому разговору как раз в тот момент, когда вопросы напрашиваются один за другим. Если, как говорит черкесский бей, нет других способов заработать себе на жизнь, то, выходит, набегами должны заниматься поголовно все? Между тем Главани сообщает, что похищение людей для продажи – привилегия «дворян». Откуда вдруг в «Описании» появляется эта социальная категория, причем едва ли не единственный раз? Кто именно за ней стоит: черкесы, татары или и те, и другие? Если «дворяне» – социальный слой, то означает ли его наличие иерархическую структуру общества? И вообще, как типологически квалифицировать уровень развития социума, живущего разбоем?

Поверить, что Главани не задавался такими вопросами, невозможно. Скорее всего, он просто не нашел удовлетворительных ответов. Не смог их дать и 80-летний ногаец, слышавший одним из самых осведомленных мудрецов и специально приглашенный к Главани рассказать все, что ему известно о народах Северного Кавказа, в том числе от его отца, умершего в возрасте 114 лет. Старик-ногаец откровенно признавался в ограниченности своих знаний о столь необъятной материи, несмотря на то, что много чего видывал по обе стороны Кавказского хребта, даже людоедов [2, 160-163].

Самая банальная часть труда Главани – этнографические описания. Но и здесь он вносит любопытные штрихи в общую картину местного быта и

нравов. Автор, кажется, был приятно удивлен, обнаружив в диком краю «кроткий, приветливый, вежливый» народ, в обхождении напомилавший европейцев. Он не берется объяснять эту странность, однако почти нет сомнения, что замеченная Главани европейская обходительность была ничем иным, как проявлением адыгских правил хорошего тона – «хабзэ».

Впрочем, автор далек от безотчетного очарования. Он поясняет, что кабардино-черкесскую куртуазность чужеземец может наблюдать в качестве гостя. Но в чистом поле, где рыцарских манер никто не придерживается, любого незнакомца просто схватят и либо обратят в раба, либо продадут в рабство [2, 158].

Пестрый и неоднозначный материал, с которым работал Главани, вынуждал его противоречить самому себе. В одном месте он с похвалой отзывается об уме и искусности черкесов, способных изготовить копию любого предмета, имея перед собой лишь образец. Не остался незамеченным и тот факт, что все необходимое для домашнего обихода делается умелыми руками черкесских женщин. И буквально через страницу читаем: «они (черкесы. – В.Д.) не имеют ни письменности, ни законов и не хотят ничему учиться» [2, 159-160].

В известные описания местных тотемических обрядов автор вносит ряд интересных для этнографов дополнений. В отличие от иных своих предшественников, Главани не любит пускаться в досужие домыслы, если испытывает недостаток в достоверной информации. Он не стесняется признаться, что есть вещи выше его понимания. К примеру: «О религии их я не могу ничего сказать, так как их верования смешанные: они чтут субботу, воскресенье и пятницу, празднуют пасху с христианами и бай-

рам с турками, утверждая, что все хорошо» [2, 157].

Каких бы поводов для критических придинок ни давал Главани, нельзя не согласиться с видным советским этнографом Гардановым в том, что собранный им уникальный материал о социально-политической жизни Черкесии делает «Описание» «важнейшим источником по истории и этнографии адыгов первой четверти XVIII века» [1, 156].

Труд Главани примечателен не только своим содержанием, но и очень символичным предназначением: оригинал рукописи в форме консульского доклада был направлен французскому королю. Главани справедливо исходил из того, что правительство Франции должно знать как можно больше о тех краях, где сталкивались интересы ее союзника Османской империи и России. Париж безусловно предчувствовал приближение драматической эпохи, когда восточный вопрос станет важной частью международных отношений в Европе. И меньше всего хотел остаться в стороне от борьбы за его решение в свою пользу.

На фоне некоторых из рассмотренных нами сочинений очерк о Черкесии шотландского врача Джона Кука, находившегося на службе в России с 1736 по 1750 г., выглядит куда скромнее и по размерам, и по содержанию [1, 174-178]. Это глава (21-я) из его труда «Путешествия и странствования по Российскому государству, Тартарии и по части Персидского королевства» (вышел в Эдинбурге двумя изданиями 1770 и 1778 гг.). Несмотря на то, что глава занимает всего несколько страниц, едва ли найдется историк, который захочет пренебречь ими. Профессионал прекрасно понимает, что гигантская исто-

рико-этнографическая мозаика Северного Кавказа собирается, в том числе, из мизерных, казалось бы, неприметных, невыразительных, пустяковых деталей. Среди наблюдателей кавказской жизни нередко встречаются те, кто (по разным причинам) не видит массу важных вещей, но зато углядит доселе никем не замеченные штрихи, которые для историка бывают дороже многих броских фактов, ибо зачастую именно этой фактографической «крошкой» прокладываются новые, заманчивые тропы в науке.

Впрочем, несмотря на краткость и, как считается, «схематичность» сообщаемой Куком информации, ее нельзя назвать мелкими деталями в общей картине. Наряду с прочими достоинствами ценность работе придает критическая настроенность Кука в отношении источников, которыми он пользовался, и опыт его собственных изысканий, накопленный во время русско-турецкой войны 1736–1739 гг., длительной службы в Астрахани, работы в посольском штате князя М.М. Голицына в Персии (1744–1748 гг.).

Кук начал служить на Кавказе, когда уже был основан Кизляр (1735 г.), который заменил Терки в качестве главного военно-политического, экономического и культурного плацдарма России на Северо-Восточном и Центральном Кавказе. Чтобы понять, почему автор именует новую крепость «столицей Черкесии», следует учесть одно обстоятельство. В литературе того времени территории от устья Терека до устья Кубани объединялись под общим названием «Черкесия». При этом одни авторы могли иметь в виду Северный Дагестан, другие – Кабарду, третьи – Северо-Западный Кавказ (т.е. собственно Черкесию). Существовал еще более расплывчатый термин «Тартария», куда вклю-

чали все что угодно от Южного Буга до реки Урал, в том числе Предкавказье и ту же самую Черкесию. Кук подразумевает Северный Дагестан и Кабарду. О землях, расположенных западнее, он имеет смутные представления.

Определенный интерес представляет авторское объяснение имевшихся в литературе очевидных разночтений о качестве почв Черкесии. Утверждение одних об их крайней скудости и других – об их плодородности он связывает с большими размерами описываемой территории и ее природно-ландшафтной неоднородностью. По наблюдению Кука, «туземцы» не отличаются «бережливостью» к земле там, где она богата настолько, что достаточно лишь ее поверхностного взрыхления для получения обильного урожая [1, 175]. Этот факт заставляет с осторожностью относиться к бытующему в историографии представлению, будто чуть ли не весь Северный Кавказ, а не только его предгорные и горные районы, являлся зоной рискованного земледелия, экономически неспособной гарантировать нормальное демографическое воспроизводство.

У Кука, как и у некоторых его предшественников, Черкесия не только этногеографическое, но и административно-политическое понятие, хотя и очень размытое. «Западная половина этой страны, – пишет он, – находится под властью турок, восточная половина в зависимости от русских, а на некоторую часть местности на юго-востоке предъявляют права персы» [1, 175].

Формулой «Кизляр – столица Черкесии» Кук определяет политические реалии 1730-х гг., согласно которым Северный Дагестан и Кабарда находились «в зависимости от русских». Степень и формы этой зависимости ясны Куку не до конца. Но кое-какие важные момен-

ты он уловил. Правда, *что* конкретно автор имел в виду, можно понять лишь с привлечением исторических данных, накопленных к настоящему времени. Лишь при таком сопоставлении открывается смысл коротких политических заметок Кука. В частности, вот этой: «Те, которые находятся под защитой русских, управляются собственными князьями, главный из которых называется Бекович. Он генерал-майор иррегулярных войск русской армии; но он никогда не получал приказа покинуть Черкесию, где, как думают, он может принести большую пользу империи». Не имея точных представлений об этническом составе Северо-Восточного Кавказа, Кук обозначает лояльное к России население края неопределенно-собирательным именем «те». Они «клянутся подчиняться общим законам, не противоречащим как русской, так и собственной пользе; но русские никогда не предлагают задевать их религиозные дела» [1, 176].

Дополнительную деталь в тему о специфике присутствия России на Северном Кавказе вносит краткий рассказ о Кизляре 1736 г. Описывая тогда еще только строящийся город, Кук отмечает многонациональный характер его населения: «русские, казаки и туземцы страны» [1, 178].

В этнографической части повествования нет ничего примечательного в сравнении с сообщениями предшественников Кука: некоторые уже известные нам из других источников обычаи; набеги как местная обыденность; непреходящая красота кабардинских женщин; оспопрививание и т.д. Не был автор первооткрывателем и в перечислении того, что в изобилии водилось в реках и лесах Северного Кавказа.

В мемуарном творчестве Кука есть, быть может, одно самое загадочное об-

стоятельство. В течение 14 лет он нес службу в астраханской губернской администрации, ездил по Северо-Восточному Кавказу, встречался с кабардинскими князьями, имел массу источников информации и, надо полагать, собрал огромный материал. А в итоге гора родила мышь. Его крохотный очерк о Черкесии не идет ни в какое сравнение с весьма объемными сочинениями тех авторов, которые либо появлялись в тех краях на короткое время, либо вообще там не бывали.

В ряду европейских источников о Северном Кавказе сочинение, которым мы завершаем наш очерк, возможно, единственное в своем роде. Его название – «Исследование торговли на Черкесско-Абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 гг.» (впервые издано в 1787 г.). Автор – видный французский ученый, дипломат, путешественник Клод-Шарль де Пейсонель (1727–1790 гг.), занимавший с 1754 по 1767 г. (с перерывом) должность французского консула в Крыму². Он принадлежал к яркой плеяде представителей века Просвещения и Энциклопедизма. Его внеслужебные занятия вполне достойны квалификации «профессиональная научная деятельность». Впрочем, при тех ответственных поручениях, которые Пейсонель получал от короля Людовика XV, грань между его личными интеллектуальными увлечениями и служебными обязанностями была очень тонкой. Парижу требовалась всеобъемлющая информация о Крымском ханстве, вассале турецкого султана, традиционного союзника Франции. Дело было еще и в том, что этот вассал охранял как зеницу ока северное побережье Черного моря, которое турки именовали не иначе как «османским озером» или «непорочной

красавицей султанского гарема». На эту красавицу давно уже заглядывались великие державы, и Франция среди них была не последней.

Предметы научного интереса Пейсонеля и политического интереса его страны совпадали. Практически все свои умственные усилия и дарования он посвятил изучению Черного моря и прилегающих к нему территорий. Плоды этих усилий, в виде нескольких исследований, дипломат преподнес в начале Людовику XV, а затем просвещенной публике.

В трудах Пейсонеля ценно все – и общее, и частное. Ценно настолько, что затмевает его ошибки (подчас грубейшие), неточности, упущения. У предшественников Пейсонеля есть работы, где всего этого гораздо меньше. Но там нет того, что есть у него. Предвосхищение это или констатация, но ученый вольно или невольно впервые рассматривает Черное море не просто как густое средоточие торговых и коммуникационных маршрутов, а как гигантский геополитический комплекс, в котором стратегическое значение имеет даже не сама акватория, а окружающие ее пространства с их экономическим, политическим, демографическим и военным потенциалом.

Пейсонель предчувствует то время, когда Черное море станет ареной острейших столкновений между великими державами. Он всего лишь год не доживет до «очаковского дела» 1791 г. [3], первого в истории русско-английских отношений кризиса, открывшего целую череду военных тревог и войн за господство в черноморском бассейне и в Проливах. Но умудренный дипломат едва ли удивился бы «очаковскому делу», ибо он уже был свидетелем русско-турецкой войны 1768–1774 гг., знал о Кючук-Кайнарджийском договоре и

присоединении Крыма к Российской империи.

Эти события его не радуют по ряду причин, о которых он предпочитает публично не высказываться. Но догадаться о них нетрудно: Россия нанесла сокрушительное поражение союзнику Франции и подорвала ее влияние на Ближнем Востоке. Теперь русские приобрели Крым, право свободного плавания по Черному морю и возможности двигаться дальше. Беспокойство по этому поводу Пейсонель высказал в предисловии к своему «Исследованию», изданному в 1787 г. (кстати говоря, это был первый год новой русско-турецкой войны). Он говорит, что с момента завершения его труда (1762 г., еще одна символическая дата) *«многое изменилось»*, и это создает для Франции проблемы.

Публикуя свое сочинение в первоначальном виде, автор как бы сравнивает прежнюю и нынешнюю ситуацию, стремясь *«познакомить своих соотечественников с теми новыми условиями, при которых может производиться торговля на Черном море с русскими в настоящее время, и с теми затруднениями и препятствиями, какими сопровождается это дело при изменившемся положении вещей»* [4, 7]³.

Однако Пейсонеля глубоко интересует не только *изменившееся*, но и динамика *изменяющегося* положения вещей, касающихся внешнеполитических интересов Франции и международного соперничества в черноморском регионе. Его не устраивают последствия русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и беспокоит дальнейшее укрепление позиций России в Северном Причерноморье, что даст ей дополнительные преимущества в решении Восточного вопроса. Пейсонель заслужил право считаться одним из крупных специалистов в изучении международных отно-

шений своего времени, труды которого (частью не опубликованные) требуют специального монографического исследования. Так можно будет исправить допущенную историками недооценку его творчества.

Что касается непосредственно содержания «Исследования», то уникальность его в том, что в нем впервые в мельчайших подробностях описывается ввозная и вывозная торговля Крыма и Северо-Западного Кавказа (черкесов, ногайцев, абхазов и абазинцев). Он раскрывает перед французскими купцами все выгоды освоения этих богатейших краев. Это и прямой намек правительству Франции: неслучайно первым, кому Пейсонель послал рукопись, был Людовик XV. Вспомним, что не такой уж далекий предшественник автора сделал то же самое. И это уже похоже на тенденцию. Сугубо политическую, разумеется.

Все остальное в «Исследовании» – общественный строй черкесов и ногайцев, особенности их взаимоотношений с крымским ханом и другие сюжеты – вторично, компилятивно и далеко не безошибочно⁴. Как и Ксаверио Главани, Пейсонель оказался заложником европейской страсти к логическому порядку во всем, даже где его трудно найти. В ряде случаев ему это удавалось. В частности, он, в отличие от других авторов, безнадежно путавшихся в этом вопросе, четко определяет географические границы Черкесии, то есть ареал проживания собственно черкесов (адыгов) [4, 19].

Однако когда Пейсонель, игнорируя наличие многочисленных племен с разными социальными укладами и традициями, пытается втиснуть их в цельную сословно-иерархическую систему, основанную на безусловном подчинении одних другим, его постигает полная не-

удача [4, 20, 35]⁵. Тут, впрочем, нужна оговорка. Как и в случае с Главани, само стремление Пейсонеля проникнуть в сложнейшую общественную материю черкесов провоцировало продвижение научной мысли именно в этом направлении. Можно без особого риска ошибиться предположить, что первая советская публикация «Исследования» в 1927 г. подлила масла в огонь уже начавшихся и нескончаемых по сей день дискуссий о формах социальной и социально-политической организации северокавказских народов.

Подыскивая для труда Пейсонеля достойное место в «историографии» Кавказа, рискнем назвать его весьма убедительным олицетворением начала завершающего этапа превращения исторических знаний в историческую науку. Этот переход подготавливался его предшественниками на протяжении нескольких столетий, но самая плодотворная часть работы была проведена в первой половине XVIII в.

Мы завершаем наш обзор книгой Пейсонеля, поскольку она, на наш взгляд, являлась неким рубежом, за которым последуют исследования, заслужившие право именоваться научными в более точном значении этого слова. Возможно, кто-то посчитает, что этот рубеж нужно искать в трудах последующих авторов. Признаться, у меня нет полной ясности на этот счет. Придет она или нет, но в любом случае я намереваюсь, если позволят обстоятельства, продолжить изучение иностранной ли-

тературы, обратившись к текстам конца XVIII – начала XIX в.

Вопрос о причинах возраставшего интереса европейцев к Кавказу приобретает ныне особую актуальность. Среди них, вне сомнений, есть сугубо «академические», ибо воля к познанию имманентно присуща человеку и обществу. Однако ни человек, ни общество не могут позволить себе роскошь оставить втуне то, что добыто неустанной работой мысли. И тут неизбежно возникает тема практического использования накопленных, систематизированных знаний. Сфера их прикладного применения включает международные отношения, политику и различные формы ее «продолжения другими средствами».

Хотя авторы, произведения которых мы разобрали, впрямую так проблему еще не ставили, стремление быть полезным своему государству, открыть перед ним перспективные направления внешней и колониальной политики являлось по крайней мере подспудным стимулом к странствиям и изучению далеких краев.

Веками собиравшиеся знания о Кавказе сегодня становятся небывалой силой. Силой все более жесткой и прагматичной, непредсказуемо меняющей настоящее и нацеленной на будущее, где эта сила, возможно, окончательно превратится в орудие бескомпромиссной борьбы между проектами радикального переустройства мира.

Примечания

1. Кстати будет заметить, что прямо противоположным образом поддерживался кабардино-русский «союз»: московский царь не только не требовал дани, а сам выдавал кабардинскому князю 10 тыс. рублей в год в оплату его лояльности.

2. Биографические сведения о Пейсонеле см.: Сапожников И.В., Полевщикова Е.В. Шарль де Пейсонель и его вклад в изучение античной и средневековой географии Северо-Западного Причерноморья // *Stratumplus*. 2005-2009. № 4. С. 464–475.

3. Вероятно, при издании труда Пейсонеля «Исследование торговли на Черкесско-Абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах» допущена опечатка в обозначении его имени инициалом «М». На самом деле его имя – Клод-Шарль.

4. Особенно показательным в этом смысле другое сочинение Пейсонеля «Историческое и географическое обозрение варварских народов, населявших берега Данубия и Понта Евксинского». Париж, 1765 // КЕД. С. 141–143. В нем автор обращается к до сих пор непроясненным вопросам этногенеза северокавказских народов и приходит к совершенно несостоятельным выводам. Пользоваться этим источником можно лишь как памятником исторических заблуждений. Впрочем, кое-кому из наших современных историков он может прийтись по вкусу.

5. На это обратил внимание первый публикатор работы Пейсонеля на русском языке Е.Д. Фелицин в 1891 г. [4, 35].

1. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974.

2. *Главани Ксаверио*. Описание Черкесии 1724 г. Перевод и примечания Е.Г. Вейденбаума // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 17. Отд. I. С. 149–177.

3. *Соколов А.Б.* «Очаковское дело». Англо-российский конфликт 1791 года // Отечественная история. 2002. № 4. С. 3–22.

4. Пейсонель М. Исследование торговли на Черкесско-Абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах (*Traité sur le commerce de la mer Noir*) в изложении Е.Д. Фелицина. Серия: Материалы для истории черкесского народа. Краснодар, 1927. Вып. 2.